АРТУР БЕННИ — В. И. КЕЛЬСИЕВУ и ГЕРЦЕНУ

Публикация С. А. Радина

Журналист, переводчик и революционный деятель шестидесятых годов Артур *Бенни* (1840—1867) впервые встретился с Герценом в 1858 г., вскоре после своего приезда в Лондон. В 1857 г. он выехал из Польши (Царства Польского) в Англию к родственникам матери-англичанки, вскоре принял великобританское подданство и стал работать в Вульвичском арсенале.

Под влиянием Герцена революционные настроения Бенни усилились, и он решил посвятить себя практической революционной работе. Летом 1861 г. он приехал с этой целью в Россию, в Петербург, где выдавал себя за герценовского эмиссара. В действительности, однако, Герцен не имел отношения к тем политическим планам, которые начал осуществлять Бенни. Особой близости с Бенни у Герцена ни в это время, ни впоследствии не было. И, вероятно, самое большее, что мог Герцен поручить Бенни, — это содействовать распространению изданий Вольной русской типографии в России. Но Бенни занялся, вскоре по приезде из Лондона, другим делом. Он предпринял поездку по России с целью сбора подписей под «конституционным» адресом Александру II. Другой целью путешествия являлось изучение условий русской жизни, — совершенно незнакомых Бенни, — с точки зрения нужд и задач революционной пропаганды. Предприятие это окончилось полной неудачей. Неловкое и неумелое ведение дела привело к тому, что в демократических и революционных кругах нашлись люди, у которых политическая честность Бенни вызвала сомнение. В нем стали подозревать шпиона III Отделения.

Стремясь себя реабилитировать, Бенни отправился осенью 1861 г. в Лондон. Незадолго до поездки, в специальном письме, привезенном из России Тургеневым, Бенни просил Герцена санкционировать работу, которую он вел в России. Этого Герцен не мог сделать. Он отказался от всякого участия в подготовке адреса царю и не дал Бенни никаких писем, которые подтвердили бы его будто бы особые полномочия и близкие отношения с редактором «Колокола». Однако, поскольку никаких подозрений в причастности Бенни к III Отделению лично у Герцена не было, — Бенни были даны при вторичном отъезде в Петербург различные «комиссии» (XI, 276).

Неудача, постигшая Бенни весной 1863 г. в его попытке завязать отношения с руководителями начавшегося польского восстания, усилила распространение компрометировавших его слухов. Тогда Бенни, измученный всеобщим недоверием, решил в целях оправдания потребовать у центрального комитета «Земли и воли», а также у польского комитета, организации суда над собой и «полного разбирательства» дела о преследующей его клевете. В этой связи Бенни обратился к Герцену с двумя просьбами: поддержать его требование «о суде и полном разбирательстве» и прислать в качестве «оправдательного документа» находившуюся за границей у эмигранта П. В. Долгорукова рукопись первого номера «тайного журнала» «Русская правда», который Бенни, «вместе с тремя лицами», начал издавать весной 1862 г. По каким-то причинам общественный суд над Бенни не состоялся. Что же касается позиции Герцена в этом деле, то, как уже сказано, он не верил в шпионство Бенни, но упрекал его в «опрометчивости и желании играть роль» (XVI, 267). С полной отчетливостью Герцен сформулировал свое отношение к деятельности Бенни в следующих словах в письме к сыну от 26 октября 1867 г.): «Я никогда не подозревал его, но также

не имел слишком большого желания поручиться за все то, что он делал тогда в России» (XX, 32—33. — Подлинник на французском языке).

Замешанный в «процессе 32-х», Бенни был в 1865 г. арестован, а затем, как иностранный подданный, выслан за границу. Он обратился к Герцену за помощью, и Герцен принял участие в его судьбе. Находясь в Италии в качестве корреспондента одной английской газеты, Бенни участвовал в сражении гарибальдийских войск с папскими и французскими войсками при Ментане 3 ноября 1867 г., был ранен и вскоре скончался.

Публикуемые письма существенно дополняют не только малоисследованную биографию Бенни, но и наши представления о конспиративной деятельности русских революционеров начала шестидесятых годов. Особенно интересно в этом отношении письмо к В. И. Кельсиеву; в нем сообщаются любопытные данные, относящиеся к технике связи лондонских революционеров с Россией, и другие факты.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 71 и 215).

1

В. И. КЕЛЬСИЕВУ

С.-Петербург. $\frac{7\text{-го}}{19\text{-го}}$ февраля 1862

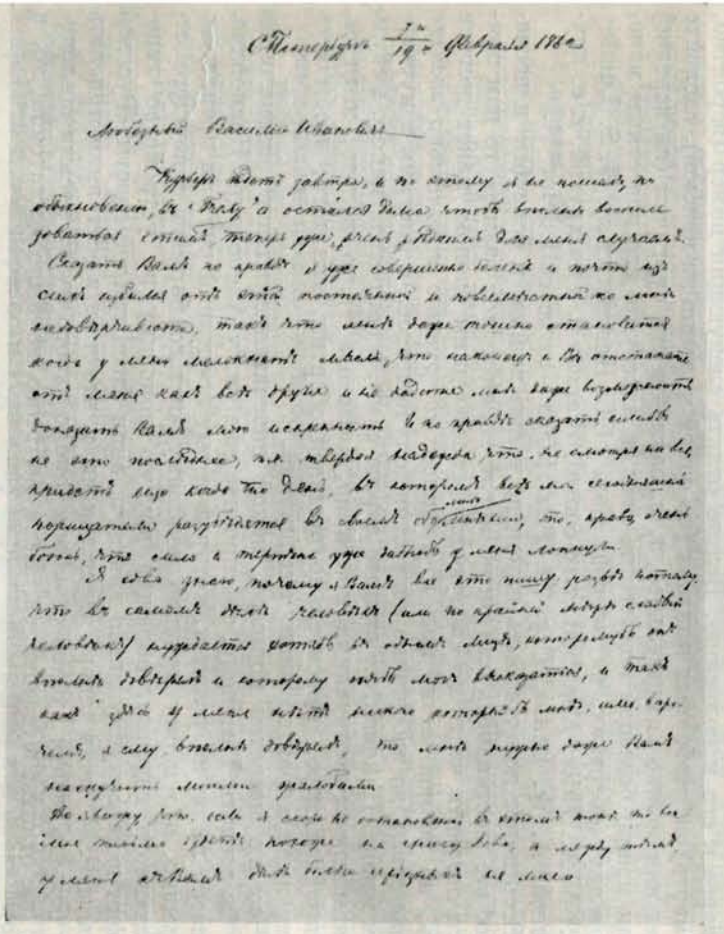
Любезный Василий Иванович,

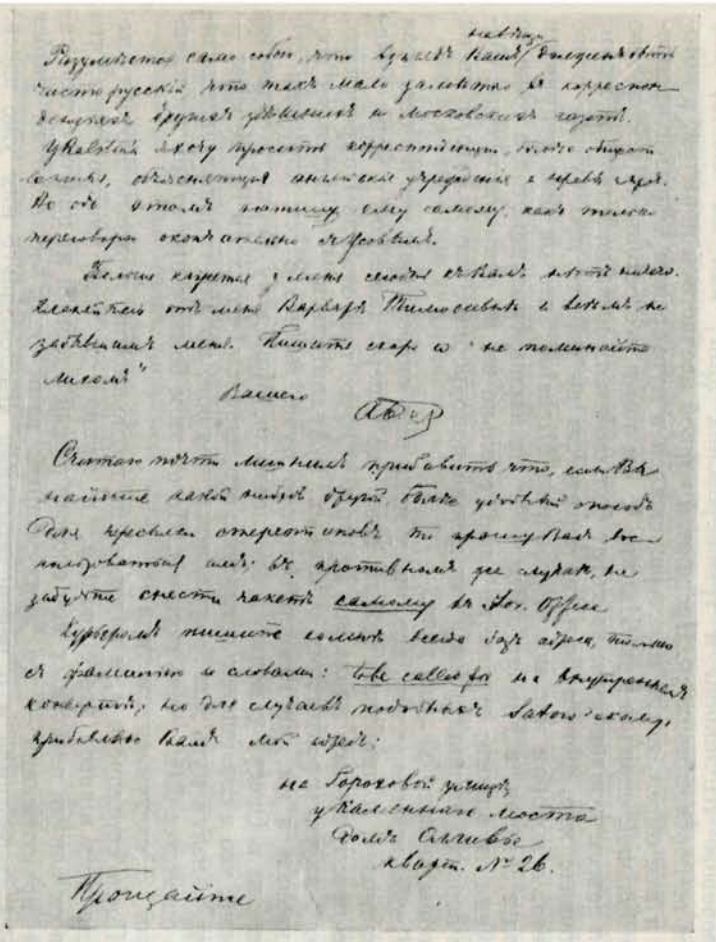
Курьер едет завтра [1], и поэтому я не пошел, по обыкновению, в «Пчелу», а остался дома, чтобы вполне воспользоваться этим теперь уже очень редким для меня случаем. Сказать вам по правде, я уже совершенно болен и почти из сил избился от этой постоянной и повсеместной ко мне недоверчивости, так что мне даже тошно становится, когда у меня мелькнет мысль, что, наконец, и вы отстанете от меня, как все другие, и не дадите мне даже возможность доказать вам мою искренность. И по правде сказать, если бы не это последнее, т. е. твердая надежда, что, несмотря на всё, придет еще когда-то день, в котором все мои сегодняшние порицатели разубедятся в своем обо мне мнении, то, право, очень боюсь, что сила и терпение уже давно бы у меня лопнули [2].

Я едва знаю, почему я вам все это пишу; разве потому, что в самом деле человек (или, по крайней мере, слабый человек) нуждается хотя бы в одном лице, которому бы он вполне доверял и которому он бы мог высказаться, и так как здесь у меня нет никого, который бы мне, или, впрочем, я ему, вполне доверял, то мне нужно даже вам наскучить моими жалобами.

Но я вижу, что если я скоро не остановлюсь в этом тоне, то все мое письмо будет похоже на книгу Иова [3], а, между тем, у меня к вам дел, более серьезных, немало.

Собственно путного я не успел еще ничего сделать со времени моего вторичного приезда сюда [4]. Приезжая сюда, у меня было еще, кроме герценского письма, отказывающего во всяком участии в деле адреса [5], и вашего *энциклического*, письмо, тоже общее, от Долгорукова и частное — к Анненкову от Тургенева [6]. Кроме того, как я вам, кажется, уже написал прежде, Тургенев дал мне подлинник составленного им адреса [7]. Люди, которым я показывал эти документы, сначала, казалось, доверяли мне и было даже вошли в сношения, более серьезные, со мною, но вдруг отшатнулись от меня, как я потом узнал, вследствие писем от Александра Ивановича, в которых он отказывался от всякого не только ручательства, но почти знакомства со мною. Я думаю, что вы согласитесь со мною, что после этого мне не оставалось больше ничего делать, как положить мои документы в сторону и стараться приобресть доверие посредством успеха в других, лишь только от меня зависящих предприятиях.





АВТОГРАФ ПИСЬМА АРТУРА БЕННИ К В. И. КЕЛЬСИЕВУ ОТ 7/19 ФЕВРАЛЯ 1862 г

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

В перевозе «Колокола» и трюбнеровских книг, как вы знаете, мне вовсе не посчастливилось. После этой первой несчастной попытки, о которой я вам писал, когда пакет развязался в курьерском мешке и произошел большой скандал при Напире [8], он сам и все остальное посольство меня совсем чуждаются и не хотят больше иметь никакого дела со мною. Напишите мне, пожалуйста, не знаете ли вы ничего про судьбу этого пакета, о котором мне потом говорил Michele [9], что он был отправлен назад в Лондон, в Foreign office * [10]. Из варшавских пакетов я тоже не получил ни одного; я даже не знаю, сколько вы их отправили туда. Одним словом, напишите мне, как можно поподробнее, все то, что, с своей стороны, знаете об этом деле.

Чтобы этим окончить все, что у меня есть сказать вам насчет перевоза «Колокола», я прибавлю только еще, что теперь даже нет у меня никакого практического плана sur le tapis **, что при отъезде Покровского, одного из университетских ссыльных, в Архангельск [11] я надеялся воспользоваться им для гаммерфестского пути, но что с тех пор, как его перевели в Онегу, у меня и это лопнуло. Молодому Герцену скажите, однако, что я совершенно согласен с его мнением, что, хотя Гаммерфест — очень далекий путь для *современных* номеров, но для годовых экземпляров он может быть очень полезен. Но об этом больше при открытии навигации, с наступлением лета [12].

После серьезного и, я надеюсь, по возможности, тщательного обдумывания всех шансов pro et contra, я пришел к тому заключению, что из всех покуда известных мне средств самый удобный и, вместе с тем, самый практический — это придуманный вами план об отлитии papier mâché стереотипов и о перепечатывании «Колокола» с них уже здесь. Если вы только согласны с моим мнением, то, умоляю вас, приступите поскорее к его исполнению. Велите отлить следующий номер (вероятно, с 1 марта) на особенных плитках (по одной колонне на каждой), сделайте пакет как можно потщательнее, т. е. заклейте его сургучом (на веревке) в как можно большем количестве мест, и адресуйте его известным манером в двух обертках, на первой: Care of L. Hertslett *Esq.* [J. S. Lumley *Esq.*] W. A. White, *Esq.* Brit. vice-consul. *Warsaw* [13], а на другой, т. е. внутренней: A. W. Benni, *Esq. St. Petersburgh*—to be called for***.

Весь пакет должен быть никак не толще дюйма, и если бы, к несчастию, все шестнадцать плиток не могли войти в этот размер, то вам придется оставить часть до следующего раза. Одним словом, пакет должен быть, по возможности, мал и, главное, *совершенно тщательно завязан и запечатан*, во избежание несчастия, случившегося с книгами в курьерском мешке. Наконец, не пишите адреса сами, а попросите какого-нибудь знакомого вам англичанина (например, Ralston'а [14]) это сделать, хотя бы, по крайней мере, относительно внешней обертки, для того, чтобы весь пакет имел характер чисто английский.

Что же касается подрыва, какой напечатание тысячи экземпляров мог бы сделать Трюбнеру, то спросите еще раз у Александра Ивановича, согласен ли он на условия, которые я ему последний раз сам предлагал, а именно, что я ему пришлю половину чистого барыша с каждого отпечатанного издания, обращая другую половину на устройство типографии и на покупку литер для печатания здесь тайной газеты «Русской правды» [15]. У меня теперь денег так мало, что я не в состоянии прислать вам больше десяти рублей серебром (около одного фунта восьми шиллингов) на отлитие стереотипов. Если бы этого не было достаточно, то, я

---

* Министерство иностранных дел (англ.).
** для рассмотрения (франц.).
*** *to be called for*—до востребования (англ.).

надеюсь, вы мне не откажете, если вы только можете сами, и прибавите следующие еще деньги. Я же возвращу их вам при первой возможности.

Деньги эти я вам присылаю через Н. Альбертини (которому я вчера дал, не зная об отъезде курьера, письма к вам и к Александру Александровичу — впрочем, оба совершенно невинные, ибо Альбертини боится обыска при выезде через границу). С Альбертини вы можете говорить о всем, однако кроме papier mâché стереотипов и «Русской правды» [16]. Я был бы особенно рад, если бы вы ему высказали ваше откровенное мнение, какое бы оно ни было, обо мне. Это для меня очень важно, так как он мог бы передать его здесь другим, и потому еще, что он пользуется здесь известным значением.

Александру Александровичу скажите, чтобы он читал мое письмо cum grano salis *: разумеется, что его uncle ** — Александр Иванович и что Mr. Argyle — не кто иной, как вы [17]. То же самое передайте и Ralston'у. Нынешнее письмо я посылаю (для сохранения английского характера в посольстве) на его имя. Если он вам его принесет нераспечатанное, то отдайте ему приложенную для него записку [18].

Г-ну Ковалевскому [19], если он только еще в Лондоне, скажите, что г. Бакст, против моего ожидания, мне ни в чем не помог и ни с кем не познакомил. По всему видно, что и он предубежден против меня. К Шелгуновым я еще никак не успел попасть. Никто не хочет или не может познакомить меня с ними, и поэтому письмо г. Ковалевского к ним все еще находится у меня. На всякий случай этому (!) виноват не я. Точно так же г. Якоби не познакомил меня с костромским господином (фамилию его я уже забыл), с которым мне следовало переговорить насчет приезда сюда Варвары Тимофеевны. Якоби, между тем, уехал, и я не знаю, к кому обратиться в этом деле [20]. Впрочем, мне кажется, что вы раздумали и бросили план о своей поездке на Дон к раскольникам, хотя я, с своей стороны, усердно распространял слух о вашей предстоящей поездке к мормонам [21].

От Чахчиани [22] я не имею еще никаких известий, не знаю даже, застрял ли он в Париже или строит уже каменный дом в Галаце?

Теперь к делам более частного или, лучше сказать, личного свойства. Во-первых, мне нужно просить у вас прощения, ибо ясно, что вы обиделись моим, впрочем совершенно неосновательным и несправедливым, как я потом убедился, упреком, будто пакет развязался в курьерском мешке по вашей вине, оттого что вы его будто не опечатали сургучом. Развязавшийся пакет, помнится, я еще сам (отнес?) в Foreign office, так что вся вина в этом деле лежит на мне одном. Доказательство того, что вы считаете себя обиженным, я вижу в том, что вы мне не пишете даже при самом удобном случае, как, например, при приезде сюда Satow'a [23], через которого, между тем, вы бы могли так легко прислать не только самое полное письмо, но и несколько «Колоколов».

Потом, вы мне ничего не пишете насчет моего предложения перенести ваши услуги, как корреспондента, от «Русского инвалида» в «Северную пчелу». Чтобы мое письмо не дошло до вас—почти невозможно, потому что я его передал в руки, совершенно верные.

Как вы знаете, я оставил «Инвалид» и работаю теперь вместе с Ничипоренкой в «Пчеле». Кроме отмечивания иностранных газет для переводчиков, я пишу обыкновенно одну или две передовые статьи в день, так что с концом месяца я надеюсь оправиться немножко в денежном отношении. Перешедши в «Пчелу», мы решили с Андреем Ивановичем [24] просить и вас перенести туда вашу корреспонденцию, и я знаю, что и он

---

* здесь — с пристальным вниманием (лат.).
** дядя (англ.).

писал вам по этому поводу. Английскую корреспонденцию я бы желал разделить следующим образом между вами и Ralston'ом, чтобы каждый из вас писал нам одно письмо в неделю: вы — письмо содержания чисто политического (разумеется, с должным вниманием на цензуру). Характер письма может даже быть в значительной степени либеральным, выстерегаясь, быть может, только слишком резких выражений насчет монархизма и христианства, хотя и в этом отношении опыт покажет вам гораздо лучше всех моих объяснений, что пропустит и что вычеркнет цензор.

Разумеется само собою, что взгляд ваш на вещи должен быть чисто русский, что так мало заметно в корреспонденциях других здешних и московских газет. У Ralston'а я хочу просить корреспонденции более общественные, объясняющие английские учреждения и нравы и проч. Но об этом напишу ему самому, как только переговорю окончательно с Усовым [25].

Больше, кажется, у меня сегодня к вам нет ничего. Кланяйтесь от меня Варваре Тимофеевне и всем, не забывшим меня. Пишите скоро и «не поминайте лихом»

вашего А. Б.

Считаю почти лишним прибавить, что если вы найдете какой-нибудь другой, более удобный способ для пересылки стереотипов, то прошу вас воспользоваться им; в противном же случае не забудьте снести пакет *самому* в Foreign office.

Курьером пишите ко мне всегда без адреса, только с фамилиею и словами: *to be called for* на внутреннем конверте; но для случаев, подобных Satow'скому, прибавляю вам мой адрес [26]:

на Гороховой улице, у Каменного моста
дом Оливье, кварт. № 26.

Прощайте.

[1] Как видно из дальнейшего, речь идет о дипломатическом курьере великобританского посольства в Петербурге.

[2] Бенни пишет о совершенно неосновательных подозрениях его в связях с III Отделением (см. об этом в предисловии к настоящей публикации). 11 января 1862 г. В. И. Касаткин писал Е. И. Якушкину: «Бенни действует снова, хотя привезенные им удостоверительные грамоты далеко не удостоверяют его особых свойств» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 49). 5 декабря 1861 г. в «памятной записке» для Н. М. Владимирова Герцен писал, явно имея в виду Бенни: «Сказать, что все, знающие меня, но которым я не даю писем рекомендательных к кому-нибудь из серьезных людей,—может, и прекрасные люди, но я за них не отвечаю. Пусть сами исследуют каждого» (XI, 360; ср. также письмо к Н. М. Владимирову от 25 ноября/7 декабря 1861 г. — XI, 361). Через полтора года Герцен писал сыну: «Артур Бенни прямо говорил, что все предпринимается с моим согласием. Он, действительно, сумасшедший; для чего он все это делает? Подозрений дурных я не имею, но il se remue beaucoup trop»* (8/20 мая 1863 г. — XVI, 264). В. И. Кельсиев утверждает, что слух о шпионстве Бенни первым распустил В. И. Касаткин («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 326). Едва ли Касаткин был одинок; скорее, поведение Бенни дало ряду лиц одновременно повод для подобных подозрений. Характерно, что этот слух дошел и до III Отделения, которое сочло его «пустым и вздорным» (XV, 410).

[3] «*Книга Иова* многострадального»—часть библии.

[4] Приблизительная дата *вторичного приезда* Бенни из Лондона в Россию определяется на основании следующих слов из письма Герцена к М. К. Рейхель от 4 ноября 1861 г.: «Бенни теперь уж опять в Петербурге и имеет много комиссий» (XI, 276). Ср. в справке III Отделения о Бенни: «... в октябре 1861 г. уезжал на некоторое время в Лондон и Париж» (XV, 408).

[5] Имеется в виду письмо Герцена к Бенни, датированное 19 ноября 1861 г. (XI, 341—342). Лемке полагал, что это письмо не было послано, так как «Бенни

* он суетится сверх меры (франц.).

приехал в Лондон, и ответ оказался ненужным» (XI, 342). Комментируемые строки свидетельствуют об ошибочности или неточности этого утверждения: Бенни получил герценовское письмо, «отказывающее во всяком участии в деле адреса», и привез это письмо в Петербург.

[6] Из этих писем ни одно не известно, в том числе и «энциклическое», т. е. циркулярное, письмо Вас. Кельсиева. О том, что И. С. Тургенев передал через Бенни письмо П. В. Анненкову, известно также из записки его к Н. Н. Рашет (написана между февралем и маем 1862 г. — См. «Щукинский сборник», вып. VII, 1907, стр. 326, или «Тургенев и его время», вып. I, 1923, стр. 305. О датировке письма см. С. А. Рейсер. Артур Бенни, 1933, стр. 119).

[7] Авторская копия «адреса» сохранилась среди неизданных бумаг парижского архива Тургенева. На документе рукой Тургенева написано: «Проект адреса государю, писанный в 1860-м году. Он был вручен Бенни,—но впоследствии истреблен» (André Mazon. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Paris, 1930, p. 60). П. Л. Лавров в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества» сообщал о том, что Бенни привез в Петербург проект конституции, написанный Тургеневым («Вестник народной воли», 1884, № 2, стр. 94—95).

[8] Лорд Френсис *Непир* (Napier, 1819—1898) — в 1860—1864 гг. великобританский посол в Петербурге.

[9] Очевидно, речь идет о консуле *Мичеле* (Michele) или же об атташе великобританского посольства *Т. Мичеле* (Michell). См. «Annuaire diplomatique de l'empire de Russie pour l année 1862». St.-Pétersbourg, 1862, p. 57.

[10] *Из этих и следующих строк видно, что Бенни старался использовать для связи* «Вольной русской типографии» в Лондоне с Петербургом свои знакомства в великобританском министерстве иностранных дел в Лондоне, в посольстве в Петербурге и в консульстве в Варшаве. Первая попытка окончилась неудачей; в дальнейшем связь этим способом также налажена не была, повидимому вследствие нежелания Герцена ею пользоваться. «Бенни как-то устроил, — пишет в «Исповеди» В. И. Кельсиев, — что „Колокол“ можно было пересылать ему через английское посольство в Петербург, — мы не посылали» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 351).

[11] Бенни пишет о М. П. Покровском — участнике петербургских студенческих волнений, высланном в начале декабря 1861 г. в Архангельскую губернию.

[12] *Гаммерфест* — город и незамерзающий порт на севере Норвегии. Повидимому, *гаммерфестский путь* доставки «Колокола» в Россию, как и другие проекты Бенни, реализован не был.

[13] *Дж. С. Ламлей* состоял в это время секретарем великобританского посольства в Петербурге, а Уильям *Уайт* — вице-консулом в Варшаве. См. цит. выше «Annuaire...», p. 57. Кто такой *Гертслетт* — неизвестно.

[14] О связях одного из первых английских славистов *В. Ральстона* (1829—1889) с кругом Герцена и о попытках Бенни вовлечь его в задуманный им план пересылки «Колокола» в Россию сведений в литературе не было.

[15] Перепечатка «Колокола» в России с матриц не осуществилась. Об издании подпольной газеты «Русская правда» см. примеч. 9 к третьему письму Бенни.

[16] Эти строки письма характерны как показатель известного недоверия Бенни к Н. В. Альбертини, связанному с либеральными кругами. Уехав за границу в начале февраля 1862 г., Альбертини пробыл там более года. Пять месяцев он прожил в Лондоне, где часто посещал Герцена, Огарева, Кельсиева и других эмигрантов. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 881—891.

Александр Александрович — здесь и ниже — сын Герцена.

[17] В. И. Кельсиев жил в это время в Лондоне на Argyle Square («Заря», 1871, № 6, стр. 20).

[18] Записка Бенни к Ральстону, вложенная в это письмо, неизвестна и вероятнее всего была сожжена в 1887 г., когда Ральстон уничтожил бо́льшую часть своего огромного архива. См. «Лит. архив», вып. III, Л., 1951, стр. 366—367.

[19] Имеется в виду Владимир Онуфриевич *Ковалевский*, известный впоследствии ученый-палеонтолог. О его революционной деятельности в шестидесятые годы и взаимоотношениях с Герценом см. ниже в настоящем томе. — *Бакст* — несомненно Владимир Игнатьевич *Бакст*, видный деятель студенческого движения, владелец типографии в Петербурге, связанный с кругами «Земли и воли». См. о нем в статье Б. Козьмина: Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 1—48.

[20] Имеется в виду Павел Иванович *Якоби* — врач-психиатр, деятель революционного движения шестидесятых годов, приятель В. О. Ковалевского. Слова: «*Якоби между тем уехал*» — относятся к отъезду Якоби в Польшу, где он принял участие в восстании и был тяжело ранен. — Кто такой *костромской господин* — неизвестно. — *Варвара Тимофеевна* — жена В. И. Кельсиева.

[21] На Дон Кельсиев не ездил, а, тайно приехав в начале марта 1862 г. в Россию, побывал лишь в Петербурге и Москве. *Мормонами* Бенни в данном случае иносказательно называет раскольников.

[22] Это лицо неизвестно.
[23] О ком идет речь — не установлено.
[24] *Андрей Иванович* — Ничипоренко (1837 — 1863), участник революционного движения шестидесятых годов, член общества «Земля и воля».
[25] *П. С. Усов* в 1860—1864 гг. был редактором «Северной пчелы». В «Библиографическом списке литературных работ В. И. Кельсиева», составленном М. М. Клевенским («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 262—264), не значится ни одна его корреспонденция как в «Русский инвалид» (они, очевидно, были), так и в «Северную пчелу». Точно так же неизвестно, осуществилось ли сотрудничество в этих изданиях В. Ральстона.
[26] Так как В. И. Кельсиев в начале марта 1862 г. нелегально приехал в Петербург, то очевидно, что отвечать на это письмо Бенни он не стал, а разрешил интересовавшие Бенни вопросы при личной встрече. Самое же письмо Бенни Кельсиев передал Герцену, в архиве которого оно и сохранилось.

2

— ГЕРЦЕНУ

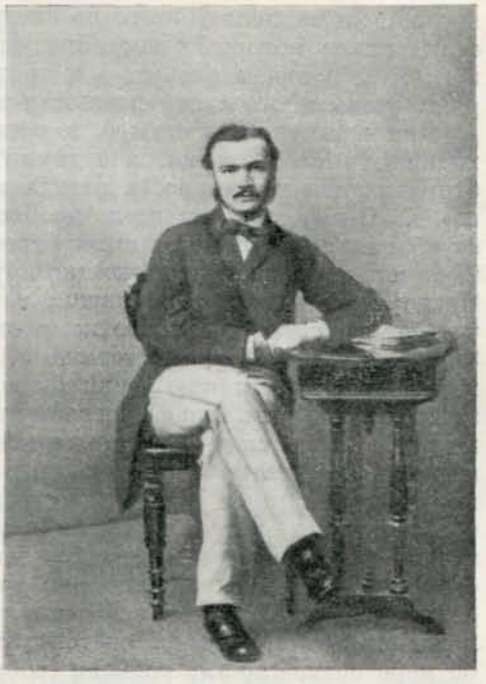
(Петербург.) 26 марта/7 апреля 1863

Наконец-то и на *моей* улице праздник! А я уже думал было, что не дождусь никогда ответа от вас на мое длинное-предлинное письмо, писанное около года тому назад [1], и что придется писать вам теперь, решительно не зная вашего взгляда на меня. Слава богу, что ваша записка от 26 августа [2], которую я получил только сегодня, то есть через семь месяцев (вот как мой любезный братец исполняет возлагаемые на него поручения) [3], объясняет мне многое в нашем взаимном положении и позволит мне писать вам гораздо свободнее и откровеннее, чем я бы иначе имел возможность это сделать. Сперва, однако, еще два слова в ответ на ваше письмо. Второе ваше предположение совершенно верно: я действительно не получал от вас ни одной строки в продолжение всего минувшего года, разве кроме двух строчек, требующих подробного описания моего последнего путешествия из Лондона сюда [4]. Что же касается вашего первого предположения, будто я сержусь на вас (мне почти совестно писать эти слова), то оно столь же неверно. Помилуйте, за что же мне было сердиться на вас? Что вы меня не поняли, что вы позволили другим наклеветать на меня и что, следовательно, я сам ошибся в моем взгляде на вас — это было для меня совершенно ясным, и я старался объяснить вам это еще в моем февральском письме прошлого года; но ведь за ошибку в оценке человека можно только сердиться—или, лучше, жалеть—самого себя, а уж никак не его. Наконец (и я надеюсь, что все наши отношения, с тех пор, как я вас знаю, позволяют мне говорить прямо без опасения быть подозреваемым в глупом поползновении на лесть) ваша деятельность слишком полезна для России, да и ваша личность, несмотря на наше estrangement *, всегда была для меня слишком симпатична, чтобы я когда-нибудь мог серьезно вздумать сердиться на вас. Что в моих письмах к В. И. [5] сквозила глубокая злоба к моим здешним клеветникам и даже некоторое чувство огорчения при мысли, что вы так легко согласились оставить меня in the lurch ** — то это очень вероятно, и если вспомнить все, что я пережил в эти два года, я вовсе не намерен отказаться от этого. Да, при воспоминании всех мучительных и отвратительных подробностей последних двух лет, я могу сказать прямо, что я не желаю таких мучений и злейшему моему врагу, и мне кажется, если бы вы знали хоть про десятую их долю, то вы бы кричали несколько громче (хотя бы с колокольни, как вы сами выражаетесь) и понятнее. Ведь у вас,

---

* взаимное отчуждение (англ.).
** в беде (англ.).

АРТУР БЕННИ
Фотография 1862 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



Александр Иванович, голосище такое здоровенное, что его, слава богу, слыхать по всей святой Руси, коли только захотите; и мне трудно поверить, чтобы здешние кружки моих знакомых могли продолжать так систематически злобствовать и клеветать против меня, если б они услыхали от вас хоть одно слово в мою пользу. Но ведь дело не в том, тем более, что даже одно из ваших писем обо мне (впрочем, не слишком лестное для меня, если судить с того, что мне передали о его содержании) совершенно неожиданно послужило в мою пользу перед комиссиею. Оно было писано к старшему С.-С.[6], и мнение, высказанное вами обо мне, должно быть, было так невыгодно для меня, что Потапов принял его за достаточное prima facie * доказательство моей непричастности, и на этом основании отстаивал в комиссии, чтобы я не был арестован [7]. Как видите, it is an ill wind indeed that blows nobody any good **. Извините, пожалуйста, что я расписался так длинно о вещах, которые, разумеется, не могут интересовать вас столько, сколько меня; но я так рад вашему предложению сдать всю эту тяжелую историю в архив или, даже лучше, забыть ее совсем, что я хотел покончить с нею за раз. Поверьте мне, я рад вашему, хотя и запоздалому, письму столько же из-за общего дела, сколько из чисто личного великого удовольствия, которое оно мне доставило сегодня. Я говорю «из-за общего дела», потому что, действительно, мое здешнее положение такое, что я бы часто мог быть полезным как лично вам, так и делу вообще; разумеется, я не мог да и не желал делать ни то, ни другое, пока я не знал вашего мнения обо мне от вас самих.

Теперь — ad res graviores ***.

О происшествиях последних шести месяцев, о следственной комиссии и V департаменте Сената, о Валуеве [8] и о Потапове, и о многом, многом другом я бы мог сообщить вам интересные и, вероятно, новые подроб-

---

* очевидное (лат.).
** нет худа без добра (англ.).
*** к более важным делам (лат.).

ности [9], но не делаю этого по следующим двум причинам. Во-первых, если бы план, который я вам сейчас опишу, не удался, то я могу это сделать в моем следующем письме, а в противном случае, сами эти факты потеряют очень много своей важности и интереса. План состоит вот в чем.

Дня через три или четыре, то есть как только мы успеем кончить необходимые приготовления, я с двумя товарищами (доктором и офицером) отправляемся в Вильно, а оттуда к ближайшей, так называемой «шайке» [10]. После покупки всего необходимого остается у меня еще рублей серебром шестьсот, которые мы берем с собою или для передачи в тамошнюю польскую казну или же для другого непредвиденного употребления. Паспорт в удостоверение наших намерений и проч. мы надеемся получить от здешнего польского комитета. Разумеется, я бы не думал entretenir * вас подобными пустяками, как приставание еще трех человек к польскому восстанию, если бы я не имел твердой надежды, что дело не окончится этим. План наш состоит, главным образом, в том, чтобы оставить за собою след и доставлять другим возможность присоединиться к нам. С этою целью я переговорил с тем малым числом моих здешних знакомых, с которыми я еще могу говорить о подобных предметах; пути сообщения мы устроили таким образом между Петербургом и Вильно и Петербургом и заграницею (вы легко поймете, как важно для нас, чтобы наше предприятие, если оно только удастся, получило как можно больше известности как в России, так и в Европе), что они совершенно в наших руках. Главное состоит, разумеется, в том, чтоб в скорейшем, по мере возможности, времени собрать около себя довольно значительное количество людей, более или менее способных, которые бы могли в самом деле взять на себя имя «русской дружины» в рядах польского восстания. Такая дружина послужила (бы), во-первых, в глазах поляков самым убедительным доказательством истины того положения, что русские и русское правительство — две вещи, совершенно разные, а между тем вы сами хорошо знаете, как малое число поляков понимает это теперь, несмотря ни на «Колокол», ни на частые расстреливания русских офицеров в Польше. Но последствий гораздо более важных можно ждать от этого плана (разумеется, предполагая полный его успех) для самой России. Уничтожение выкупа и наделение крестьян землею, уже введенное в западных губерниях, не может остаться без влияния и на соседние русские губернии. Вот почему на случай возмущения в одной из пограничных великорусских губерний так важно было б иметь готовую организованную хоть и не силу, но, по крайней мере, точку опоры или кадр, состоящий из сотни или двух привыкших уже заранее к партизанской войне людей. Эти и другие подобные соображения, которые вы легко дополните сами, склонили нас к принятию нашего плана: к исполнению его мы намерены приступить в будущий понедельник. Я нарочно высказал эти соображения (и прошу вас поверить, что я мог бы подкрепить их и другими столь же сильными, если б не недостаток времени и места), собственно потому, чтобы вы могли видеть, что наш план не следует приписать одному только ребяческому нетерпению и желанию пофрантить и потешить почтенную публику. Нет, план этот возник у меня с самого начала польского восстания (во время которого я был в Польше), и чем более я о нем думаю и говорю с соучастниками в его исполнении, тем яснее становится для меня, что, без каких-нибудь совершенно исключительных несчастий, успех его зависит единственно от нашей собственной распорядительности и уменья вести дела вообще. И это последнее обстоятельство заставляет меня возвра **

---

* занимать (франц.).

** Конец письма не сохранился. — *Ред.*

[1] Это письмо Бенни к Герцену неизвестно.
[2] Записка Герцена к Бенни от 14/26 августа 1862 г. неизвестна.
[3] Из этих слов следует заключить, что письмо Герцена для Артура Бенни было передано через Карла Бенни, студента-медика, учившегося в это время в Париже. См. «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению». Л., 1940, стр. 167.
[4] Записка Герцена к Бенни с требованием описать поездку из Лондона в Петербург неизвестна.
[5] Речь идет, несомненно, о В. И. Кельсиеве. За исключением опубликованного выше письма от 7/19 февраля 1862 г., письма Бенни к нему неизвестны.
[6] Это письмо Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу неизвестно. Возможно, однако, что имеется в виду письмо Герцена от 7 декабря 1861 г., адресатом которого Лемке обозначил Н. М. Владимирова (XI, 361).
[7] Речь идет о начальной стадии так называемого «процесса 32-х». Арестован Бенни в это время, действительно, не был: вероятно, имело значение его великобританское подданство и второстепенная роль в деле. Арест Бенни последовал лишь весной 1865 г., первоначально по долговому иску, и лишь затем, уже после приговора, его делу был придан политический характер. А. Л. *Потапов* — управляющий III Отделением.
[8] П. А. *Валуев*—в это время управляющий министерством внутренних дел.
[9] Бенни намекает здесь, в частности, на «процесс 32-х», начавшийся в июле 1862 г.
[10] Поездка в Вильно и проект присоединения к польским повстанцам не осуществились. Кто такие два товарища Бенни (*доктор* и *офицер*), не установлено. Возможно, что один из них — доктор — П. И. Якоби; см. также ниже упоминание о нем в письме В. О. Ковалевского Герцену.

3

ГЕРЦЕНУ

⟨Петербург.⟩ 3/15 мая 1863 — пятница

Не удивляйтесь ни тому, что несмотря на мое последнее прощальное письмо к вам я пишу вам еще раз, ни тому, что и это письмо пишется не в пинских лесах (где я имел надежду быть уже теперь), а все еще в Петербурге [1]. Причиною этому отчасти вы сами, и поэтому я даже не считаю нужным извиниться за то, что пишу вам в том же тоне и о том же предмете, как последний раз, не дождавшись вашего ответа, — если только вы намеревались дать мне ответ. Но у меня остается уже очень мало времени до отправления этого письма, и потому я постараюсь как можно хладнокровнее и короче изложить вам в чем дело.

Через одного из членов предполагаемой мною экспедиции русских к польскому восстанию с целью образовать там русскую дружину (план, о котором я вам писал подробно в одном из моих последних писем) я узнал сегодня из здешнего комитета, и то почти официальным образом, не только, что мне не могут дать визы или паспорта на дорогу, но еще *что польский центральный комитет объявил мое имя в числе шпионов* [2]. Вы можете сказать, что вам до этого нет дела и что я или вел себя непростительно глупо или действительно человек подозрительный, с которым вы не желаете иметь никакого дела. Я говорю, что вы можете это сказать и, если строго и подробно разбирать ваше поведение относительно меня в продолжение последних двух лет, то я даже нисколько не удивлюсь, если вы в самом деле ответите именно так. Но как бы вы в подобном случае ни были буржуазно правы, я постараюсь доказать вам в немногих словах, что такой поступок был бы с вашей стороны в обширном и человеческом смысле нечестен; да, Александр Иванович, — просто-напросто нечестен. Мне кажется, вы меня знаете слишком хорошо, чтоб подумать, что я употребляю столь резкие слова из-за какого-то глупого и тщеславного удовольствия обращаться cavalièrement * с личностью подобной величины и значения, как вы. Я хорошо знаю, что если бы я мог отложить написание этого письма до завтрашнего дня и если б я мог

* бесцеремонно (франц.).

вполне собраться с мыслями, то оно вышло бы и гораздо спокойнее и складнее. Но, во-первых, неожиданный для меня случай, который представился мне сегодня для отправления этого письма, требует его окончания через несколько часов, а во-вторых, я даже не очень жалею, что волнение, в котором я пишу это письмо, даст вам хоть некоторое понятие об адской муке, которую я терплю с сегодняшнего утра.

Но прежде всего позвольте мне рассказать вам l'historique * всего дела. В начале нынешнего года я был в Польше, чтобы еще раз проститься с моим отцом, который и умер у меня на руках. На возвратном пути я пробыл несколько дней в Варшаве у моих родных и, полагая, что я бы мог быть полезен польскому комитету, исполняя какие бы то ни было его поручения или на дороге или в Петербурге (восстание вспыхнуло было два дня после моего приезда в Польшу) [3], я старался сблизиться и поговорить с каким-нибудь членом комитета или его представителем (delegowany, как их называют в Варшаве). При помощи моих родственников и знакомых это последнее было довольно легко. Я объяснил делегованному вкратце мое положение, подозрения, существующие на мой счет в Петербурге, разговоры, которые я имел с Потаповым, и les avances **, которые он мне делал, и неопределенный способ, с которым я их принимал, и, следовательно, возможность, какую я имею войти с ним в более интимные отношения (я просил гр. Сальяс [4] рассказать вам подробно всю эту прошлогоднюю интригу и поэтому полагаю, что она вам вполне знакома). После некоторых других, менее важных вопросов, в том числе и одного о моих русских знакомых, когда, кроме вас да Тургенева, я имел неосторожность назвать и Европеуса, делегованный просил меня на первый раз выхлопотать только русский паспорт в Петербурге и прислать его по указанному мне адресу в Варшаву. В самый день после этого свидания я уехал в Петербург, только, по причине испорченности железной дороги, в дилижансе до Ковно, а оттуда по железной дороге в Петербург. На дороге, то есть в станциях в Пскове и в Петербурге, я совершенно неожиданно (по крайней мере в первый раз) и внезапно встретился лицом к лицу с моим делегованным. Я упоминаю об этом факте потому, что на нем основано в значительной мере подозрение на мой счет. Между тем, для меня трудно понять, что другое оставалось мне делать? Я сообразил еще в Пскове, что подойти и заговорить с делегованным—может гораздо скорее обратить на него внимание, тем более, что я не мог знать, не следит ли кто-нибудь в то же время за мною [5]. Наконец, в моих глазах разговор с ним в публичном месте послужил бы гораздо более рациональным поводом к обвинению меня, чем мое явное нежелание говорить с ним или даже узнавать его при свидетелях. Между тем не так рассудил мой делегованный: по его мнению, мое вторичное отворачивание служило явным доказательством моего шпионства, и из опасения, что я слежу за ним тут же, он (как потом сам рассказывал) счел нужным переменить четыре раза извозчиков, и это, разумеется, принимается за еще новое доказательство моей виновности.

Я, между тем, ничего этого не подозревая, переменил мои планы единственно настолько, что, убедившись в ненужности уже паспорта, прекратил всякие хлопоты около его приобретения и стал ожидать посещения делегованного, основываясь на его обещании, данном мне в Варшаве. Делегованный, между тем, не только не явился, но, напротив, стал, как я узнал, наводить обо мне справки, и то именно у таких людей, которые менее всех знают меня, или, лучше сказать, по-настоящему не знают меня вовсе. Несмотря на то, что я предупредил его еще в Варшаве насчет

---

* историю (франц.).
** предложения (франц.).

моей здешней репутации, делегованный счел собранные им сведения совершенно достаточными и с этим уехал во-свояси. Во время, однако, его пребывания здесь, когда я убедился, что мне его больше ждать нечего, я послал к нему копию нескольких находящихся у меня писем Тургенева, кн. Долгорукова, Кельсиева и ваших, в том числе и вашего последнего, тогда только что полученного мною [6].

Вот все дело с мельчайшими, насколько я их помню, подробностями. И на основании этих-то данных польский центральный комитет, как я вам уже сказал, счел себя вправе объявить меня шпионом и, разумеется, этим самым нанес моей репутации и здесь последний удар. Для меня теперь остается только один вопрос: что делать? — Не говоря уже о том, что всякая возможность пристать к восстанию теперь прекращена, мне решительно невозможно и невыносимо оставаться дольше и здесь в подобном положении. Пока глупые студенты-мальчишки да литературные пьяницы клеветали и сплетничали на меня один глупее другого — беда была небольшая; когда я раз обтерпелся с постыдным клеймом, которое они старались прицепить ко мне, мне оставалось только молча презирать их, зная хорошо, что придет же, наконец, время разъяснений и правды. Но теперь, когда уже всеми признаваемые авторитеты и настоящие государственные силы, как центральный комитет русский и польский, попадают на мой счет в ту же гнусную ошибку, как мальчишки и пьяницы, — тогда, действительно, дело становится для меня серьезным.

Вследствие этого, я требую одного и, кажется, немногого. Я требую *суда*, но суда полного и откровенного, full, searching and inquisitive *, как говорят у нас; мне не нужно ни видеть ни даже непосредственно иметь дело с комитетом; пусть он только назначит хоть кого-нибудь от себя с достаточною legitimation **; но пусть я, наконец, увижу и услышу моих обвинителей, пусть мне будут представлены категорически все пункты, в которых меня обвиняют, и пусть я имею возможность отвечать на них столь же прямо. Мне кажется, что я действительно требую немногого и, во всяком случае, не более, нежели мне предоставляют самые основные законы цивилизованного общежития, — право судебной защиты.

Теперь моя просьба или, лучше сказать, мое требование к вам. Я не хочу, чтобы вы за меня поручились, даже чтобы вы говорили в мою пользу. Нет, этой ошибки я второй раз не сделаю. В моем длинном, предлинном письме, писанном в январе прошлого года[7], я вам объяснил и доказал, что вся моя ошибка состояла в том, что я слишком рассчитывал как на проницательность вашего ума, так и на нравственную храбрость вашего характера. Как все люди, а в особенности молодые, я сделал ту страшную ошибку, что судил о вас по себе: для меня все мои действия и поступки со времени моего первого знакомства с вами были совершенно ясны и последовательны, и я сделал непростительную глупость полагаться настолько на вас, чтобы подумать, что они одинаково ясны и для вас,— но, по крайней мере, за эту глупость я поплатился горько — да, право, горько. Но не в том дело. — Итак, я прошу от вас не поручительства, но чего я убежден, что я имею право требовать от вас, это того, чтобы вы потребовали этого суда у здешнего комитета[8] (к *польскому* я обращусь лично, и я уверен, что они мне не откажут в удовлетворении). Мне самому этого решительно сделать нельзя, так как все, буквально *все*, что бы я ни делал, хотя бы только высморкался, — все перетолковывается и принимается за какую-нибудь тончайшую хитрость с моей стороны. Вы поймете, что при таком положении мне невозможно сделать хоть малейший шаг; право же мое требовать эту услугу от вас я основываю-

* полного, тщательного и пытливого (англ.).
** правомочностью (англ.).

на вашем собственноручном письме. Вы говорите, что вы «кричали с колокольни и с крыш»; если так, т. е. если вы по крайней мере убеждены, что я имею всю prima facie evidence * на моей стороне, то вы не можете, да, *не можете* отказать мне в случае представить эту evidence ** для очищения моего осрамленного имени.

A propos, одна из моих pièces justificatives *** находится за границей, именно у П. В. Долгорукого. Это рукопись первого номера «Русской правды», тайного журнала, который я собирался издать вместе с тремя лицами еще в феврале и марте прошлого года [9]. Копию с первого номера я послал Долгорукому в Париж; это было недавно после моего объяснительного письма к вам, и поэтому я считал невозможным писать вам до получения вашего ответа. Издание «Русской правды» было сперва остановлено по недостатку денег, а потом (после появления «Молодой России») совсем брошено. Единственная еще существующая копия первого номера находится у Долгорукого. — Я вас усердно прошу, пошлите ему приложенную записку [10] (я не знаю его настоящего адреса) и по получении моей рукописи пришлите ее сюда прямо в комитет вместе с вашим требованием о моем суде и полном разбирательстве [11].

Приложенные записки И. И. Кельсиева — те самые, о которых он говорит в своем письме к брату, которое я недавно отправил. Вы можете их печатать в каком хотите виде — извлечения из них по первоначальному плану здесь не сделано никакого [12].

[1] См. примеч. 10 к предыдущему письму.

[2] В литературе нет сведений о том, что польское народное правительство официально объявило Бенни шпионом: речь идет о широко распространенном предубеждении против него. См. примеч. 2 к напечатанному выше письму Бенни к Кельсиеву.

[3] Польское восстание началось 10/22 января 1863 г. Значит, Бенни приехал в Польшу около 8/20 января. Эта поездка осталась, видимо, неизвестной III Отделению. В материалах дела «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний» (1 экспед., д. № 230 за 1862 г., ч. 151, «О великобританском подданном Артуре Бенни», л. 12) имеются сведения лишь о поездке Бенни в Польшу, относящейся ко времени не ранее ноября 1863 г.— несомненно, это была вторая его поездка (там же; см. также М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 182—183).

[4] Бенни имеет в виду Е. В. Салиас де Турнемир (Евгению Тур).

[5] Соображения Бенни были вполне резонны. Он имел все основания заподозрить, что за ним учрежден секретный надзор, который и действительно был установлен с 21 сентября 1862 г. При возвращении Бенни в Петербург он был обыскан не менее восьми раз (см. С. А. Рейсер. Артур Бенни. М., 1933, стр. 63 и 65).

[6] Повидимому, речь идет о записке Герцена от 14/26 августа 1862 г. См. примеч. 2 к предыдущему письму.

[7] Выше (см. письмо от 26 марта/7 апреля 1863 г.) Бенни называет это письмо «февральским». Оно неизвестно.

[8] *Здешним комитетом* Бенни называет петербургский комитет «Земли и воли».

[9] В середине марта 1862 г. в Петербурге вышел нелегальный листок под названием «Русская правда», с обозначением — «№ 1». Через месяц появился второй листок под таким же названием, с обозначением — «№ 2». Оба эти листка, являющиеся большой библиографической редкостью, были перепечатаны М. К. Лемке в его книге «Очерки освободительного движения „шестидесятых годов"» (цит. изд. стр. 441—444). Лемке не имел возможности установить, кем именно были изданы листки «Русской правды». Публикуемые письма Бенни отчасти разрешают этот вопрос. Выясняется инициативная роль Бенни в издании «Русской правды».

[10] Записка Бенни к П. В. Долгорукову неизвестна.

[11] Об отношении Герцена к этим просьбам см. в его письме к сыну от 13/25 мая 1863 г. (XVI, 267).

[12] О каких записках И. И. Кельсиева идет речь и были ли они Герценом напечатаны — не установлено.

---

* очевидность доказательства.

** очевидность (англ.)

*** оправдательных документов (франц.).